

Ранний этап строительства крепости Алустон

Многолетние раскопки средневековой Алушты, ведущиеся с 1984 г., позволяют в общих чертах представить основные этапы крепостного строительства этого приморского укрепления на протяжении VI–XV вв. Свидетельства письменных источников о сооружении и ремонте оборонительных стен Алустана крайне скупы и разновременны, тем более, что они относятся к начальному и финальному этапам существования крепости. Поэтому основным источником разработки периодизации крепостного строительства Алушты служат археологические материалы.

Впервые об Алустане упоминает Прокопий Кесарийский (490/507–562 гг.) в трактате «О постройках» (*De aedificiis*)¹. В это время Южный Крым попадает в русло внешнеполитических интересов Византии, чем было обусловлено появление на Южном берегу во времена Юстиниана I (527–565 гг.) двух укреплений — Алустана и в Горзувитах. Следующее по времени свидетельство относится к 60-м гг. X в., когда Алус назван среди городов, принадлежавших хазарскому кагану Иосифу². Арабский географ и путешественник XII в. Абу Абдаллах Мухаммед ал-Идриси (ок. 1100–1165 гг.) пишет о Шалусте (Алуште) как о большом красивом городе, расположенном у моря³. Луста (Алушта) довольно часто упоминается в итальянских источниках XIV–XV вв.⁴.

Одним из первых обследование Алуштинской крепости провел в 1794 г. П. С. Паллас, который, осмотрев ее руины, пришел к выводу, что это — гегуэзская постройка⁵. Так же считал и К. Келлер, посетивший Алушту с архитектором Е. Паскалем в 1821 г.⁶ Более подробное описание памятника сделали Ф. Дю-

¹ Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ, 1939, № 4, с. 249–250.

² П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 102.

³ А. Я. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1891, т. 2, с. 244–245.

⁴ П. И. Кенпен. Крымский сборник. СПб., 1837, с. 81, 156–157; Ю. А. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, табл. II; С. А. Милицин. Дело братьев Гуаско // С. А. Секеринский. Очерки истории Сурожа IX–XV вв. Симферополь, 1955, с. 73–94; А. А. Vasiliev. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936, p. 202.

⁵ Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793–1794 гг. // ЗООИД, 1881, т. XII, с. 127–129.

⁶ [Келер] О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности // ЗООИД, 1872, т. VIII, с. 391.

буа де Монпере и П. И. Кеппен⁷. Кеппеном был опубликован и план укрепления по состоянию на 1835 г. В 1886 г. В. Ф. Миллером в Алуште и ее окрестностях проводились небольшие археологические раскопки. У въезда в Алушту со стороны Симферополя им исследовано несколько позднесредневековых погребений. Миллер также отмечал на склонах Крепостной горки наличие «древних могил»⁸. Во время археологических раскопок в Алуште в 1947 г. крепость осмотрел Е. В. Веймарн. В своем дневнике он отметил наличие на поверхности только «позднего» материала, считая, что и само укрепление является послеюстиниановской постройкой. Веймарн высказал предположение, что ко времени Юстиниана I может быть отнесена только круглая башня (Ашага-Куле)⁹. Того же мнения придерживался и О. И. Домбровский, полагавший, что «из четырех круглых башен (? — В. М.) VI в. сохранилась только одна»¹⁰.

В 1950–1951 гг. Н. В. Пяташевой, Е. В. Веймарном и Ю. В. Кухаренко на восточном склоне Крепостной горки исследовался некрополь XII–XVIII вв. и небольшая часовня¹¹. Но эти работы не касались самого укрепления. Первые раскопки на территории крепости были проведены в 1981 г. В. А. Сидоренко и продолжены автором данной статьи в 1984 г.¹²

Руины Алустана занимают вершину холма, отстоящего на 200 м от моря (абсолютная высота возвышенности — 44 м). До начала работ 1984 г. на поверхности местами прослеживались только внешняя линия оборонительных стен и развалины двух башен: Орта-Куле («Средняя») и Ашага-Куле («Нижняя»). Еще одна башня находилась на северном фланге обороны (Чатал-Куле — «Рогатая»), но она была разрушена еще в XIX в. Остатки ее фундамента обнаружены при раскопках В. А. Сидоренко в 1981 г. На плане Алушты 1835 г., опубликованном П. И. Кеппеном, все участки оборонительных стен и три башни показаны четко, при этом внутри крепости помещена цитадель. Постепенно в литературе по истории средневекового Крыма утвердилось мнение, что византийцами в VI в. было построено двухчастное укрепление с цитаделью и внешней линией обороны, которое впоследствии ремонтировалось и перестраивалось до конца XV в.

В течение второй половины XIX — начале XX в. территория Алустана оказалась плотно застроенной, и стены цитадели были скрыты под современными домами. Раскопками 1984–1991 гг. на памятнике исследована площадь более

⁷ F. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colhide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1843, t. 6, p. 429–433; П. И. Кеппен. Крымский сборник..., с. 154–158.

⁸ В. Ф. Миллер. Археологические раскопки в Алуште и ее окрестностях // Древности. М., 1888, т. XII, вып. 2, с. 127–128.

⁹ Е. В. Веймарн. Отчет о работах Бахчисарайского горного отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИ им. А. С. Пушкина в 1947 году // Архив Отдела археологии Крыма АН УССР. Инв. № 1, с. 5–7.

¹⁰ О. И. Домбровский. Средневековые поселения и «исары» крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 8–9.

¹¹ О. А. Махнева. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968, с. 160–164, рис. 6–9.

¹² В. Л. Мыц. Основные этапы развития средневековой Алушты // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989, с. 151–152.

3000 кв. м (из них 900 кв. м приходятся на цитадель). Мощность культурного слоя достигала на некоторых участках 3,5–3,7 м, в среднем же составляла около 2 м. Обнаруженные в ходе раскопок архитектурно-археологические остатки относятся в основном к XI–XV вв. и составляют пять строительных горизонтов в истории развития средневековой Алушты (от небольшого византийского укрепления до малого городского центра — генуэзской торговой фактории): 1) ранневизантийский: вторая треть VI — вторая половина — конец VII в.; 2) хазарский: VIII — первая половина X в.; 3) византийский: вторая половина X — конец XIII в.; 4) золотоордынский: конец XIII — 80-е гг. XIV в.; 5) генуэзский: 80-е гг. XIV в. — 70-е гг. XV в.

К первому строительному периоду (VI–VII вв.), изучению которого посвящена настоящая публикация, относятся остатки оборонительной стены цитадели (восточная и часть западного участка обороны, раскопы № 2 и 9 — табл. 1), казармы (раскоп № 9) и жилого дома (раскоп № 2).

Куртина Алустона VI в., открытая раскопками 1987 г. на протяжении 35 м, сложена из крупных камней (размеры некоторых достигают 0,9 x 0,5 x 0,45 м) с соблюдением горизонтальности рядов (рис. 1). Толщина стены — 2,8 м. Куртина сохранилась в высоту от 0,4 до 2,1 м. При ее сооружении в основании была создана платформа-фундамент (или субструкция)¹³ шириной 3–3,3 м, на которую установили стену. Куртина сложена на известковом растворе с добавлением морского песка крупной фракции, а в некоторых местах и толченой керамики. Использование бутового камня при возведении крепостных стен VI–VII вв. в Таврике — явление редкое: кроме Алустона оно отмечено еще лишь при раскопках Гурзуфской крепости¹⁴. В этот период лицевые панцири куртин и башен возводятся из тесаных блоков (квадров) с внутренней забутовкой и заливкой известковым раствором (*opus caementicium*)¹⁵. В данном случае основную роль в конструкции играют панцири. Квадровая кладка (*opus quadratum*) применялась при возведении стен крепостей Юго-Западного и Восточного Крыма: Херсона, Каламиты, Эски-Кермена, Мангупа, Сюйрени, Тепе-Кермена, Чуфут-Кале, Баклы, Сутдеи и Боспора. Во всех случаях использовался местный строительный материал. Таким же образом, видимо, поступили византийские мастера и при возведении Алустона — ими применен в кладке бутовый камень с обработанной ровной лицевой поверхностью, который добывался на склонах холма и в пойме р. Улу-Узень. В целом же бутовый камень часто использовался византийцами при строительстве крепостей в других регионах империи. Примером тому могут служить материалы раскопок на территории Болгарии¹⁶, Югославии¹⁷, Греции и других регионов, входивших в состав Византии в VI–VII вв.

¹³ Д. Овчаров. Византийски и български крепости V–X век. София, 1982, с. 34.

¹⁴ О. И. Домбровский. Средневековые поселения и «исары» крымского Южного бережья..., с. 9–13, рис. 4–6.

¹⁵ К. Вачева. За терминологията на строителните техники през античността // Археология, 1979, № 1, с. 2–3.

¹⁶ Д. Овчаров. Византийски и български крепости V–X век..., с. 70–71.

¹⁷ Г. Милошевић. Рановизантијска архитектура на Светинји у Костолцу // Старианар, 1988, кн. XXXVIII, с. 41–47, рис. 1–7.

В этом случае несколько рядов бутовой кладки (обычно 5–8 рядов общей высотой 0,8–1,5 м) перекрывал пояс из плинфы толщиной 0,45–0,5 м, т. е. кладка велась в технике *opus mixtum*¹⁸. Этот строительный прием отмечен в Крыму на памятниках Херсонеса VI–VII вв.¹⁹. Как обстояло дело при возведении стен Алустана, пока сказать трудно, потому что на открытом участке куртины не найдено поясов плинфы, хотя в слое ее разрушения обнаружено несколько фрагментов от крупных раннесредневековых плоских кирпичей, использовавшихся в кладке.

Раннесредневековая стена Алустана вполне соответствовала канонам фортификации того времени. Согласно «Тактике» анонимного византийца VI в., средняя толщина куртины должна была составлять 5 локтей (около 2,3 м), а высота — 20 локтей (9,5 м)²⁰. Если следовать этим расчетам, то ширина восточной стены цитадели Алустана составляет 6 локтей (2,8 м) при высоте 22 локтя (около 10,5 м). На западном участке обороны толщина куртины составляет 2,07 м (т. е. 4,5 локтя), а в высоту она, видимо, достигала 8,5 м (18 локтей). Разница в ширине (как, очевидно, и в высоте) стен Алустана объясняется тем, что западный склон Крепостной горки — более крутой и труднодоступный.

Столь мощными (как у Алустана) оборонительными стенами обладали многие ранневизантийские крепости Таврики. Например, на Мангупе толщина куртин составляет 1,7–2,0 м, Эски-Кермене — 1,7–2, Каламите — 2,3, Сюйрени — 2,5, Чуфут-Кале — 4–4,5 (?) м²¹. Из 78 укреплений VI в., расположенных на территории современной Болгарии, только 16 имели такие же или более толстые стены, чем у Алустана²².

О том, насколько качественно были выполнены строительные работы на Алустане, говорит факт долговременности существования крепостной стены цитадели (несмотря на многочисленные пожары и разрушения) VI–XV вв.²³.

Необходимость сооружения небольшого по площади (0,25 га), но мощного укрепления, видимо, была обусловлена стремлением византийцев создать сторожевую крепость, гарнизон которой мог, укрывшись за толстыми и высокими стенами, выдерживать длительную осаду значительно превосходящего по численности и силе противника. Помощь осажденному гарнизону в условиях Таврики VI–VII вв. могла быть оперативно оказана только со стороны моря (и то в период навигации), используя тактику высадки десанта, потому что крепость находилась на довольно большом расстоянии от моря.

¹⁸ Г. Милошевић. Рановизантијска архитектура..., с. 41–45, рис. 6, 7.

¹⁹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес // МИА, 1959, № 63, с. 84, рис. 11.

²⁰ В. Г. Волков. Градът в Тракия и Дакия през късната античност // Исторически извори за крепостните кули с издаден ръб // ИАИ, 1959, т. XXIV, с. 177.

²¹ Е. В. Веймарн. О двух неясных вопросах Средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968, с. 55; Д. Л. Талис. Оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма как исторический источник // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М., 1974, с. 92.

²² Д. Овчаров. Византийски и български крепости V–X век..., с. 35.

²³ В. Л. Мыц. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991, с. 151–152.

С внутренней стороны к восточной куртине цитадели примыкает здание казармы или помещения для караула (табл. 1). «Казарма» состояла из двух помещений (46-А и 49-А), имеющих одну общую стену. Размеры казармы — 13,2 x 3,5–3,75 м (помещения 46-А — 3,5 x 6,05 м, помещения 49-А — 3,25–3,75 x 6,55 м). Стены сложены из бута на глине с добавлением извести. Полы помещений и стены были покрыты слоем известковой обмазки (3–5 см). В субструкции пола найдены фрагменты краснолаковой керамики VI в. (табл. 2, 1). Вход открыт только в помещение 49-А. Он находился в южной стене, и его ширина 1,3 м. Порог входа возвышался на 0,2 м над уровнем пола (табл. 3, 1). На уровне полов помещений найдены крупные фрагменты красноглиняной черепицы с высокими бортиками VI–VII вв., стенки амфор с частым рифлением, белоглиняные желобчатые амфоры. В юго-западном углу помещения 49-А стояла амфора, примерно на 1/4 заполненная костями мелкой рыбы (хамсы?) (табл. 2, 6–10).

Не прекращающиеся в научной литературе споры о времени возведения некоторых раннесредневековых укреплений Горного Крыма (Каламиты, Эски-Кермена, Мангупа, Сюйрени, Тепе-Кермена, Чуфут-Кале, Баклы, Сутдеи) заставляют обратиться к более детальному анализу стратиграфии и датирующего материала из раскопок Алустана, потому что это может способствовать решению ряда проблем хронологии ранневизантийских крепостей Таврики VI–VII вв.

Культурные напластования раннего периода существования Алустана лучше всего сохранились в цитадели с внутренней стороны оборонительной стены (на участке раскопок помещений 46-А и 49-А), хотя и здесь в некоторых местах они были нарушены при установке пифосов в помещениях XII–XIII вв. (рис. 2). Мощность слоя, содержавшего наиболее ранние находки, не превышала 0,55 м. В основном он представлял собой плотный грунт, состоявший из глины с известковой крошкой, в котором встречались редкие фрагменты керамики (обломки черепицы и стенки амфор), камни от разрушенных стен «казармы» и угли (табл. 3). Этот слой образовался при разрушении «казармы». На южном участке (у входа в помещение 49-А) слой разрушения был перекрыт прослойкой со следами пожара (7–15 см) и слоем красной прокаленной глины (табл. 3). Над следами локального пожара и прокаленной глины находился слой светло-оранжевой глины, в котором встречались фрагменты керамики X в. Если принять во внимание, что следы горения залегали на 0,55–0,65 м выше уровня пола и даже выше сохранившихся частей стен казармы, то нет никаких оснований связывать ее разрушение с пожаром. Тем более, что археологический материал из этих двух горизонтов имеет значительный хронологический разрыв почти в три столетия.

Керамика, обнаруженная на полу «казармы» и в слое ее разрушения (даже несмотря на свою малочисленность — табл. 2), позволяет составить определенное представление о времени возведения этой постройки, дате строительства оборонительной стены и прекращении жизни в укреплении на раннем этапе его существования. В основном это находки фрагментов краснолаковых сосудов и амфор.

Амфорный материал сильно фрагментарен. Только с полов двух помещений (46-А и 49-А), примыкающих к куртине, происходят несколько круп-

ных фрагментов, в том числе и один полностью собранный сосуд (табл. 2, 7). Амфоры, которые удалось четко определить, относятся к пяти типам, хорошо известным на других ранневизантийских памятниках Причерноморья и Средиземноморья.

1. Круглодонные с цилиндрическим или яйцевидным туловом и кольцевидными ручками (принято считать, что они сиро-палестинского производства)²⁴. Венчик воротникообразный, черепок от светло-розового до темно-коричневого тонов. Амфора из помещения 49-А (табл. 2, 7) имеет яйцевидный корпус. Небольшие кольцевидные ручки крепятся в верхней части тулова и не примыкают к горлу. Тулово желобчатое, в верхней части покрыто мелким рифлением. Высота сосуда без венчика — 41 см, диаметр тулова — 35 см. Амфоры этого типа сильно отличаются по размерам и форме тулова. Они появляются во II–III вв. н. э. и бытуют до конца VII в.²⁵. К. Скорпану (относит к VI типу) удалось проследить эволюцию этих амфор со II по VI в. н. э.²⁶. Г. Кузманов первоначально датировал амфоры с кольцевидными ручками (тип VI по классификации 1973 г.) IV–VI вв., а позднее ограничивал время их существования VI — серединой VII в. (тип III по корпусу 1985 г.)²⁷. М. Попович сосуды этого типа, найденные при раскопках оборонительных стен Светиньи (ранневизантийский Выминациум), датирует 567–584 гг.²⁸ и относит к VI типу. Немного более ранним временем датируются амфоры, обнаруженные в Цибилиуме (529–556 гг.)²⁹.

2. Светлоглиняные и красноглиняные амфоры с высоким воронкообразным горлом, яйцевидным туловом и конической ножкой (или без нее). Поверхность сосудов в большинстве случаев покрыта светлым ангобом. В Крыму амфоры этого типа появляются во II–III вв. н. э.³⁰. К середине III в. они уже были широко распространены на позднеантичных памятниках. Так, например, 14 сосудов (четыре варианта) с воронкообразным горлом найдены на поселении Джалман в долине р. Салгир, в помещении, которое было разрушено в пожаре 50–60-х гг. III в. при нашествии готов. Несколько подобных амфор обнаружено в могильнике на территории совхоза «Севастопольский», где

²⁴ А. Л. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 10, 12, 13, рис. 2, 4; И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Ивашуто, А. И. Кадеев, А. И. Романчук. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ, 1971, вып. 7, с. 84, тип 4, рис. 5.

²⁵ B. Jahnson. Syro-palestinian Bag-Shaped Amphoras in the Athenian Agora and Corinth Collection // Recherches sur les amphores grecques. Paris, 1986, p. 593, 4–9.

²⁶ C. Scuran. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins dans l'espace Istro-Pontique // Dacia, 1977, t. XXI, S. 273, ris. 9, 1–4.

²⁷ Г. Кузманов. Типология и хронология на рановизантийските амфоры (IV–VI в.) // Археология, 1973, № 1, с. 16; Он же. Рановизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV — началото на VI в. // Разкопки и проучвания, 1985, кн. XIII, с. 12, табл. 33, 4).

²⁸ М. Поповић. Светинья, нови подаци о рановизантијском Виминациуму // Старијар, 1987, кн. XXXVIII. Београд, 1988, с. 18, рис. 14, 3–4.

²⁹ Ю. В. Воронов, О. Х. Багжаба. Крепость Цибилиум — один из узлов Кавказского лимеса юстиниановской эпохи // ВВ, 1987, т. 48, с. 122, 123, 128, рис. 12–14, 16.

³⁰ Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972, с. 127.

они использовались со второй половины III–IV в.³¹. Хронология различных вариантов амфор этого типа пока недостаточно разработана. Б. Бетгер на материалах Ятруса разделил время их существования на четыре периода (А, В, С, Д) с IV до VII вв.³². Г. Кузманов амфоры с воронкообразным горлом (тип XIX по классификации 1973 г. и тип I по корпусу 1985 г.) делит на два варианта и датирует их: 1) 300–500 гг.; 2) 500–650 гг.³³. Но материалы из раскопок Херсонеса (цистерна № 92)³⁴, исследование ранневизантийского корабля, затонувшего с грузом амфор у Язи-Ада³⁵, скорее указывают на то, что амфоры II варианта (по Г. Кузманову) бытовали в VII в. В закрытых комплексах VI в. Карфагена (525–535)³⁶ и Светињи-Виминациума (567–596)³⁷ найдены амфоры I типа. К. Скорпан датирует амфоры с воронковидным горлом в основном IV–VI вв. Их появление он относит к I–II вв., они бытуют до VII в. Сосуды IV–VII вв. он подразделяет на два варианта: 1) тип VII₁ — IV–VI вв. и 2) тип VII₂ — VI–VII вв.³⁸. Амфоры VII в. имеют более округлое тулово, почти исчезает конусовидная ножка, горло становится короче и завершается не воронковидным, а венчиком в виде полувалика. Находки амфор этого типа из Алустана по всем этим показателям ближе к I варианту (табл. 2,6) и, видимо, могут быть датированы второй половиной VI в.

3. Эта группа амфор представлена светлоглиняными сосудами небольших размеров, стенки которых имеют рифление в виде набегающей волны и ручки, профилированные двумя продольными валиками (в сечении асимметричны). В Алустане этот тип амфор датируется скорее всего второй — третьей четвертью VI–VII в. Аналогичные сосуды были широко распространены и встречаются на раннесредневековых памятниках Крыма (в Херсонесе³⁹, Ман-

³¹ С. Ф. Стржеleckий. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине: Предварительное сообщение // КСИА АН УССР, 1959, вып. 8, с. 139–168, 143; В. А. Анохин. Монетные находки в могильнике у совхоза № 10 Крымской области // НЭ, 1962, вып. 3, с. 130–135; И. С. Пиоро. Крымская Готия. Киев, 1990, с. 90–91, рис. 18; 19, 1.

³² B. Bültger. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Jatrus // Jatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Berlin, 1982, Bd. 2, S. 38–42, Tabl. 17, 18.

³³ Г. Кузманов. Типология и хронология на рановизантийските амфоры..., с. 14 сл.; Он же. Рановизантийска керамика от Тракия и Дакия..., с. 9–11, табл. 1–3; 33.

³⁴ А. И. Романчук. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Bizantinobulgarica. 1981, вып. VII, с. 323, рис. 4, 1–3; Она же. Слои VII–VIII вв. в Портовом районе Херсонеса // АДСВ., 1975, вып. 2, с. 6; А. Л. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики..., с. 14–15, рис. 3, 2, 3; И. А. Антонова и др. Средневековые амфоры Херсонеса..., с. 88, тип XII и XIII.

³⁵ G. Bass. The seventh-century Jassi Ada shin and its Black Sea connections // Thracia Pontica. 1982, I, p. 229–230, fig. 3; 4.

³⁶ D. Fulford, D. Peacock. The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site // Excavations at Carthage. The British mission. P. 2. Scheffeld, 1984, v. 1, p. 119, fig. 34, 3.

³⁷ М. Поповић. Светиња, нови подаци о рановизантијском Виминациуму..., с. 13–15, рис. 13, 6, тип II.

³⁸ C. Scorpan. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins..., tabl. 10, tip. VII.

³⁹ В. А. Кутайсов. Четырехабсидный храм Херсонеса // СА, 1982, № 1, с. 162, рис. 5, 6.

гупе⁴⁰, Бакле и др.). Амфоры с рифлением типа набегающей волны, найденные при раскопках ранневизантийских памятников Причерноморья и Средиземноморья, датируются большинством ученых второй половиной V — второй четвертью VI — первой половиной VII в.⁴¹, хотя мнения исследователей на этот счет не во всем совпадают. Б. Бетгер время их бытования относит к IV–VI вв.⁴², Г. Кузманов и А. Л. Якобсон — от IV–V до VII вв.⁴³, авторы херсонесского свода амфор (И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Ивашуто, А. И. Кадеев, А. И. Романчук), К. Скорпан и А. Радулеску датируют их VI–VII вв.⁴⁴.

4. Белоглиняные амфоры небольших размеров (табл. 2, 8–10). Удалось восстановить только верхние части нескольких сосудов, на одном из которых процарапано граффити-монограмма в виде трех букв греческого алфавита — А, λ, π (табл. 2, 10). Диаметр тулова этих амфор составляет 24–28 см, корпус — желобчатый, дно — округлое без ножки. Горло — в виде небольшой воронки. Ручки крепятся у самого венчика, вылеплены небрежно, профилированы одним валиком. Целые формы сосудов этого типа на других памятниках Крыма мне неизвестны. Фрагменты стенок, видимо, аналогичных амфор встречались в небольшом количестве при раскопках нижнего слоя Баклы, на Мангупе, Эски–Кермене, Каламите и в Херсонесе с материалами VI–VII вв. Но их малочисленность и фрагментарность не давали возможности представить полностью форму сосудов. На Алустоне они составляют не менее 30% всего амфорного материала из раннего слоя. Вероятно, этот тип амфор бытовал одновременно с сосудами VI–VII вв. Весьма близкие по форме амфоры найдены при раскопках Светињи в слое, датируемом 567–496 гг. до н. э. М. Попович объединяет их в одну группу с амфорами, имевшими рифление в виде набегающей волны, что, видимо, не совсем оправдано. У них различны формы корпуса, горла, характер рифления, профили венчиков и сечение ручек⁴⁵.

5. Фрагменты так называемых амфор с перехватом найдены не только в нижнем слое Алустона, но и в кладке оборонительной стены, где обнаружен

⁴⁰ А. Г. Герцен. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1990, вып. 1, рис. 27, 3.

⁴¹ Н. И. Сокольский. Ильичевское городище // СА, 1996, № 4, рис. 5, 3; М. К. Хотелашвили, А. Л. Якобсон. Византийский храм в селе Дранда // ВВ, 1984, т. 45, с. 197–198, рис. 2, 7, тип 7; Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985, табл. 24, 25; А. В. Сазанов. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА, 1989, № 4, с. 44, рис. 1, 5; D. Fulford, D. Peacock. The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site..., p. 119; K. M. Kaufmann. Menasstadt und Nationalheiligtum des Altchristlichen Aegypten. Bd. I. Leipzig, 1910, Ris. 84, 2; G. F. Bass. Underwater Excavations Jassi Ada // AA, 1962, Heft 3, S. 355, Ris. 66.

⁴² B. Böttger. Die Gefäßkeramik aus dem Kastell Jatrus..., S. 45–47, tabl. 22, tip. II, 1.

⁴³ Г. Кузманов. Рановизантийска керамика от Тракия и Дакия..., с. 18, табл. 8–10, 33, тип XIX; А. Л. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики..., с. 13, 14, рис. 2, 6, тип 9.

⁴⁴ И. А. Антонова и др. Средневековые амфоры Херсонеса..., с. 86, 87, рис. 9–11, типы VIII, IX, X; C. Scorpan. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins..., S. 277, 278, ris. 12, 1–3, tip. VIII; A. Radulescu. Amfore romane și romano-bizantine din Scythia Minor // Pontica, 1976, t. IX, S. 109.

⁴⁵ М. Поповић. Светиња, нови подаци о рановизантијском Виминациуму..., с. 13, рис. 1, 3, 5.

крупный фрагмент стенки и венчика. Этот тип амфор был распространен в Восточном и Западном Причерноморье и в Крыму в IV–VII вв.⁴⁶ В цистерне № 92 (Портовый район Херсонеса), в засыпи которой обнаружен материал первой половины VII в., их обломки составляли примерно половину всей тары⁴⁷. Фрагментарность находок сосудов этого типа в нижнем слое Алустана не позволяет провести более детальную типологию и тем самым определить относительную хронологию данного материала. Вероятнее всего, их следует отнести к финальному этапу существования амфор с перехватом — т. е. к VI–VII вв.

Краснолаковая керамика из Алустана крайне скудна. Здесь пока обнаружено всего пять определяемых венчиков мисок двух форм (1 и 3) группы «поздний римский С» (табл. 2, 1–5). Форма 1 (табл. 2, 1) представлена одним фрагментом небольшой чашеобразной миски с загнутым внутрь краем. Чаша изготовлена из кирпично-красной глины с редкими включениями карбонатов, лак оранжевого цвета. Дж. Хейс, занимавшийся разработкой классификации краснолаковой керамики, на основании степени отогнутости края отнес подобные чаши формы 1 к типу А, который датировал концом IV — началом V в.⁴⁸ К этому времени отнесены и находки аналогичных чаш из некоторых памятников Восточного Крыма, Танаиса⁴⁹, в некрополе Озерное III⁵⁰ и Чернореченском могильнике, Херсонесе⁵¹. Но наличие сосудов этой формы в комплексах второй половины V в. (погребение 483 раннего этапа могильника Дюрсо)⁵², второй четверти VI в. в Цибилиуме⁵³, из раскопок в Зеноновом Херсонесе⁵⁴, третьей четверти VI в. из Константинополя⁵⁵ позволяют датировать их концом IV — началом V — второй–третьей четвертью VI в.⁵⁶

⁴⁶ А. И. Романчук. Торговля Херсонеса в VII–XII вв..., с. 327, рис. 1, 3, 4; И. А. Антонова и др. Средневековые амфоры Херсонеса..., с. 82, 83, рис. 1–2, тип I (авторы статьи выделяют два варианта: 1) датируют III–IV–V вв.; 2) VI–VII вв.); Г. Кузманов. Рановизантийская керамика от Тракия и Дакия..., с. 15, 16, табл. 6, тип IX (в целом датирует эти амфоры IV–VII вв. и разделяет на два хронологических периода: 1) IV–V вв.; 2) VI–VII вв.); Ю. Воронов, О. Х. Бгажба. Крепость Цибилиум — один из узлов Кавказского лимеса юстиниановской эпохи..., с. 129, рис. 13, 13 (амфоры с перехватом датируются VI в.); C. Scorpian. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins..., S. 277, 281, tabl. 12, 4–6, 39.

⁴⁷ А. Л. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики..., с. 12, тип 7.

⁴⁸ J. W. Hayes. Late Roman Pottery. London, 1972, p. 326–327.

⁴⁹ А. В. Сазанов. О хронологии Боспора ранневизантийского времени..., с. 41–60, рис. 1, 11–13.

⁵⁰ И. И. Лобода. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА, 1977, № 4, с. 236–252, рис. 5, 17.

⁵¹ А. И. Романчук. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ, 1975, вып. 10, с. 246–250.

⁵² А. В. Дмитриев. Раннесредневековые фибулы из могильника на реке Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII вв. М., 1982, с. 103, рис. 9, 17.

⁵³ Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба. Материалы по археологии Цецельды. Тбилиси, 1985, табл. 99, 23.

⁵⁴ А. И. Романчук, А. В. Сазанов. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса // Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки. Свердловск, 1991, ч. 1, с. 11, рис. 1, 4.

⁵⁵ R. M. Harrison, N. Faratli. Excavations at Saraghane 1965 in Istanbul: first preliminary report // DOP, 1965, 29, p. 235, D, 3, 8.

⁵⁶ А. И. Романчук, А. В. Сазанов. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса..., с. 11.

Остальные четыре фрагмента краснолаковых чаш по классификации Дж. Хейса можно отнести к форме 3 (типам D, E, F), датируемой им второй половиной V — первой половиной VI в. и трансформирующейся затем в форму 10⁵⁷. Б. Бетгер на основании материалов из Ятруса считал, что сосуды формы 3 бытовали в первой половине V — VI вв.⁵⁸. О. Д. Лордкипанидзе датировал их V–VI вв.⁵⁹, а Ю. Н. Воронов сужал хронологию подобных чаш до второй половины V — первой половины VI в.⁶⁰. Наиболее раннюю дату краснолаковых сосудов формы 3 предложил Э. Попеску: конец IV — начало V в. н. э.⁶¹. С. А. Беляев время появления формы 3 относил к началу V в., а финал ее существования датировал началом VII в.⁶². М. Роджиевич ограничивал время существования формы 3 VI–VII вв.⁶³. Д. Л. Талис аналогичные сосуды из раскопок Баклы датировал в широких пределах — V–VII вв.⁶⁴. Ф. Вааге считал, что форма 3 продолжает существовать до начала VIII в.⁶⁵. Сравнительно большая коллекция краснолаковых чаш формы 3 происходит из раскопок I портового квартала Херсонеса, где они найдены в слоях первой половины VII в.⁶⁶.

Фрагмент чаши формы 3 типа D имеет венчик с сильно нависающей нижней частью и с верхним краем в виде несколько наклоненной внутрь сосуда плоскости. Чаша была довольно больших размеров: ее диаметр — 34 см (табл. 2, 5). Дж. Хейс отнес этого типа чаши из раскопок Афинской агоры к концу V в. и считал, что они предшествовали типам VI в.⁶⁷. Но находки из Константинополя⁶⁸, Херсонеса и его окрестностей, Ильичевского городища, Шанкинского могильника (в Абхазии)⁶⁹ и др. позволяют датировать тип D концом V–началом VI в. — первой половиной VII в.⁷⁰.

⁵⁷ J. W. Hayes. Late Roman Pottery..., p. 337.

⁵⁸ B. Böttger. Die Gefäßkeramik aus dem Kastell Jatrus..., S. 59–62.

⁵⁹ О. Д. Лордкипанидзе. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды (основные типы и их датировка) // Вестник отделения общественных наук АН ГССР, 1982, т. I, с. 254.

⁶⁰ Ю. Н. Воронов. Краснолаковая керамика Аписили IV–VI вв. н. э. // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. 1983, т. XII, с. 90.

⁶¹ E. Popescu. Ceramica romană tirzie cu stampilat descoperită la Histria // SCJVV., 1965, t. 16; 4, p. 698.

⁶² С. А. Беляев. Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 37.

⁶³ M. Rodziejewicz. La céramique romaine tardive d'Alexandrie. Varsovie, 1976, p. 40.

⁶⁴ Д. Л. Талис. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982, с. 59, рис. 3, 7.

⁶⁵ F. O. Waage. The Roman and Byzantine Pottery // The American Excavation in the Athenian Agora // Hesperia, 1933, vol. 11; 2, p. 298–301.

⁶⁶ А. И. Романчук. Херсонес VI — первой половины IX в. Свердловск, 1976, рис. 6; А. В. Сазанов. О хронологии Боспора ранневизантийского времени..., признак 17; А. И. Романчук, А. В. Сазанов. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса..., с. 15–16.

⁶⁷ J. W. Hayes. Late Roman Pottery..., p. 337, fig. 68, 13.

⁶⁸ R. M. Harrison, N. Firlati. Excavations at Saraghane 1965 in Istanbul..., p. 235, D, 6–7.

⁶⁹ Ю. Н. Воронов, К. К. Шенкао. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII вв. М., 1982, рис. 23, 2.

⁷⁰ А. И. Романчук, А. В. Сазанов. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса..., с. 20.

Два фрагмента краснолаковых сосудов из Алустана близки по форме к типу Е, датированному Дж. Хейсом началом VI в.⁷¹ (табл. 2, 2, 4). Венчик у них не сильно отогнут, более массивный и имеет четко выраженную западину в средней части наружного края (диаметр чаш составляет 28 и 32 см). А. И. Романчук и А. В. Сазанов на основании комплексов Тиритаки и Херсонеса время бытования этого типа относят к VI — первой четверти VII в.⁷², как, видимо, и следует датировать находки из Алустана.

Фрагмент небольшой чаши (диаметр венчика 17,5 см) типа F имеет почти горизонтально поставленный бортик с выемкой на внешней стороне края (табл. 2, 3). Дж. Хейс аналогичные сосуды отнес ко второй четверти VI в., не исключая при этом и более длительное их существование⁷³. Это подтверждается материалами исследования целого ряда памятников (Афин, Коринфа, Константинополя, Киферы, Кирбет-эль-Карани, Ниссаны, Херсонеса, Тиритаки и др.), где данный тип обнаружен в комплексах третьей четверти VI — первой половины VII в.⁷⁴.

Проведенный анализ керамических материалов из раннего слоя Алуштинского укрепления позволяет достаточно точно определить время существования ранневизантийского Алустана. Несмотря на то, что большая часть представленных на памятнике амфор и краснолаковых сосудов бытовала на протяжении сравнительно длительного времени — IV–VII вв., у нас достаточно оснований для более точной корректировки хронологии керамического материала. Сообщение Прокопия о строительстве Алустана позволяет ограничить начальный этап существования крепости второй третью VI в. (от начала правления Юстиниана I в 527 г. до момента создания трактата «О постройках» между 555 и 560 гг.)⁷⁵. К заключительному этапу функционирования ранневизантийского укрепления относится амфора с кольцевидными ручками (этот сосуд использовался до самого последнего момента обитателями крепости и был оставлен перед уходом с остатками рыбы), время бытования которой не выходит за пределы VII в.

Более точно определить время ухода византийского гарнизона из Алустана пока сложно. Корреляция находок (см. график I) позволяет говорить о

⁷¹ J. W. Hayes. Late Roman Pottery..., p. 337.

⁷² А. И. Романчук, А. В. Сазанов. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса..., с. 20, рис. 6, 43; 7, 69.

⁷³ J. W. Hayes. Late Roman Pottery..., p. 331, 338.

⁷⁴ J. W. Hayes. A seventh-century Pottery Group // DOP, 1968, № 22, p. 203–216; Kythera. Excavations and Studies. London., 1972, pl. 51, 17; J. Landgraf. Keisan's byzantine Pottery // Tell Keisan. 1971–1976. Une cité phoenicienne en Galilée. Paris, 1980, p. 19, 26; R. B. K. Stevenson. The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford, 1947, p. 19; Э. Я. Николаева. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА, 1978, вып. 156, рис. 1, 5; А. В. Сазанов, Ю. Ф. Иващенко. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора..., рис. 3, 3; 8, 8; 13; А. В. Сазанов. О хронологии Боспора ранневизантийского времени..., с. 53, признак 17; Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба. Материалы по археологии Цебельды..., табл. 99, 15, 18, 21; А. И. Романчук. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса..., рис. 5, а–б; А. И. Романчук, А. В. Сазанов. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсонеса..., с. 21–22, рис. 8, 90.

⁷⁵ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991, с. 184.

том, что это могло произойти около середины или во второй половине — конце VII в. Недостаточно выяснены и причины того, что побудило византийцев вывести гарнизон из крепости, которая использовалась ими более ста лет как один из опорных пунктов на побережье Таврики.

Наиболее близкими по времени и составу керамического материала являются комплексы из раскопок византийских крепостей Ильичевки, Цибилуума, Виминациума и др.⁷⁶. Только в отличие от этих памятников Алустон не подвергался ни в VI, ни в VII в. разгрому. На это указывает отсутствие слоя пожара и следов насильственного разрушения, а также малочисленность и фрагментарность находок VI–VII вв. Очевидно также, что гарнизон крепости оставил Алустон, разрушив только внутрикрепостные строения, забрав с собой все наиболее ценное (помещения оказались практически пустыми).

Следует отметить, что подобное «запустение» отмечено еще на нескольких византийских укреплениях Юго-Западного Крыма: Бакле⁷⁷, Мангупе⁷⁸ и Каламите⁷⁹. Какой же была судьба еще одного прибрежного укрепления, построенного одновременно с Алустоном при императоре Юстиниане II, — Горзувиты? Раскопки этого укрепления с некоторыми перерывами велись О. И. Домбровским с 1956 по 1966 г.⁸⁰. По мнению исследователя, первый этап (ранневизантийский, начало которого относится, как и на Алустоне, ко второй трети VI в.) завершается в VIII в. разрушением построек, связанным с большим пожаром, возникшим при подавлении антихазарского восстания⁸¹. Но изучение полевых материалов раскопок Гурзуфской крепости позволяет говорить о том, что первый слой пожара относится к X, а не к VIII в., как считал О. И. Домбровский. Его нельзя связывать с подавлением восстания Иоанна Готского 787 г., потому что в этом слое найдена белоглиняная поливная керамика со штампованным орнаментом, которая появляется в Таврике не ранее второй половины IX в. Вероятно, Гурзуфская крепость (как и Алустон) подверглась разрушению в X в. во время хазаро-византийских войн за обладание Таврикой.

Причины прекращения жизни на Алустоне, как и на других укреплениях Таврики во второй половине — конце VII в., видимо, следует искать в изменении военно-политической обстановки в Северном Причерноморье и Средиземноморье, в тяжелом экономическом и политическом положении самой Византии в этот период. Эпидемии чумы, длительные войны с Ираном и арабами привели к истощению людских ресурсов империи. Практически

⁷⁶ М. Поповић. Светиња, нови подаци о рановизантијском Виминациуму..., с. 13–19, рис. 13, 14; Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба. Крепость Цибилуум..., с. 120, 121, 123, рис. 13, 5, 13–18.

⁷⁷ Д. Л. Талис. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории горного Крыма..., с. 59, рис. 3, 7.

⁷⁸ Это показали раскопки, проводившиеся автором совместно с Ю. С. Ворониным на плато Мангупа в верховье балки Гамам-Дере в 1978 г.

⁷⁹ Е. В. Веймарн. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 58–60, рис. 3; 4.

⁸⁰ О. И. Домбровский. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья..., с. 9–13, рис. 4; 5.

⁸¹ Там же, с. 13.

все силы были направлены на организацию обороны восточных и южных границ и столицы. Численность армии сильно уменьшилась, и она оказалась в значительной степени децентрализованной⁸².

После распада около середины VII в. оногурской конфедерации под власть Хазарского каганата попадает часть Восточного Крыма, включая и Боспор. Появление на северо-восточных границах империи нового сильного государства — Хазарского каганата — заставляет Византию предпринимать значительные дипломатические усилия, чтобы приостановить продвижение хазар в глубь полуострова⁸³. На первых порах (до 30-х гг. VIII в.)⁸⁴ хазаро-византийские отношения в Таврике носили относительно мирный характер, если не считать эксцесс 711–712 гг. во время правления Юстиниана II, когда хазары выступили против императора в защиту населения Херсонеса⁸⁵.

Таким образом, раскопки Алуштинской крепости последних лет показали, что во второй трети VI в. (между 527–560 гг.) византийцами была возведена небольшая сторожевая крепость с мощными оборонительными стенами, ограждавшими по всему периметру вершину холма. В последующие столетия (VIII–XV вв.) ранневизантийское укрепление служило цитаделью города. Стены и башни, считавшиеся ранее некоторыми исследователями византийскими (внешняя линия обороны с тремя башнями), на самом деле возведены не ранее 80-х гг. XIV в. генуэзцами. Во второй половине — конце VII в. византийский гарнизон, который, вероятнее всего, состоял из федератов империи «готов», оставил Алустон. Это событие пока только предположительно можно связывать с военно-политическим и экономическим кризисом, переживаемым империей, и появлением на полуострове во второй половине VII в. хазар.

Находки из раскопок Алустана позволяют говорить об обширных связях (скорее всего, опосредованно через Херсон) этого небольшого византийского укрепления с другими центрами империи в VI–VII вв. и ставят его в ряд перспективных памятников, дальнейшее изучение которого способно пролить свет на процесс византинизации ранневизантийской Таврики.

⁸² J. Teall. The grain of the Byzantine Empire // DOP, 1959, № 13, p. 110–111.

⁸³ И. А. Баранов. Таврика в эпоху Раннего средневековья. Киев, 1990, с. 146.

⁸⁴ Там же, с. 148.

⁸⁵ И. С. Чичуров. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980, с. 63–67.

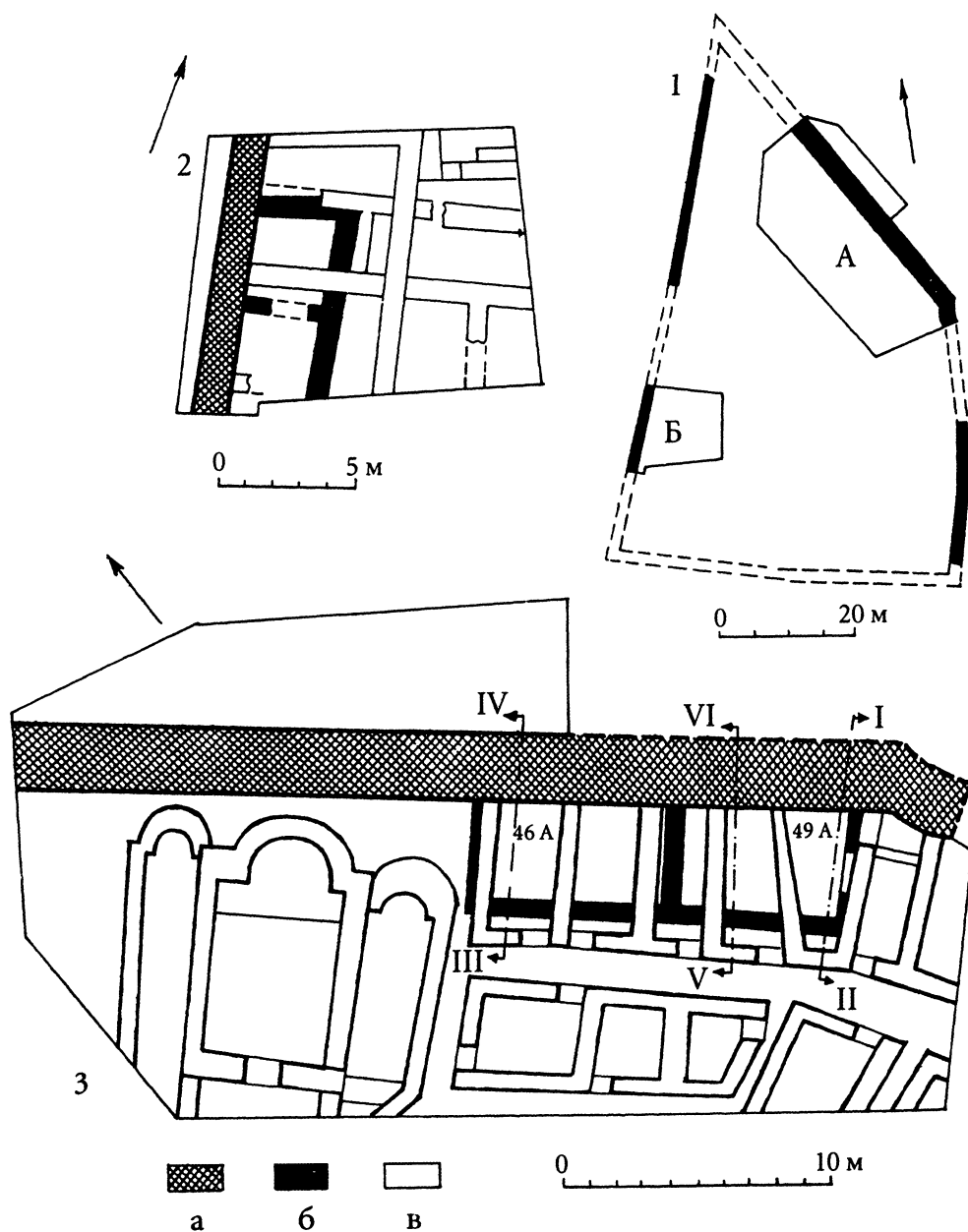

Табл. 1 План крепости Алустон VI-VII вв. и планы раскопов № 2 и № 9: 1 — план крепости Алустон (по материалам раскопок 1987–1989 гг.); 2 — план раскопа № 2; 3 — план раскопа № 9; а — оборонительные стены VI в.; б — помещения VI-VII вв.; в — строения X-XV вв.

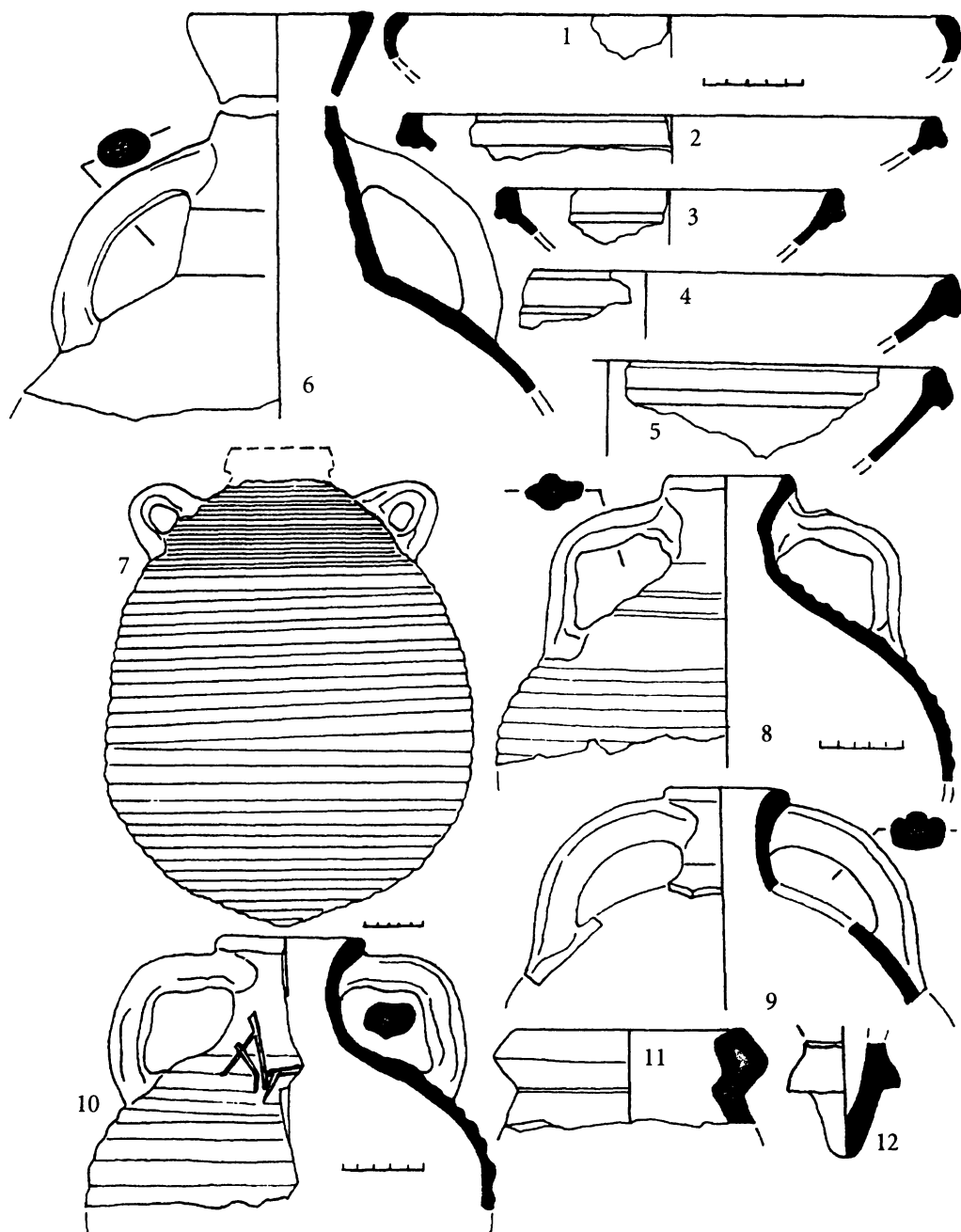

табл. 2 Керамические материалы VI-VII вв. из нижнего слоя Алустана

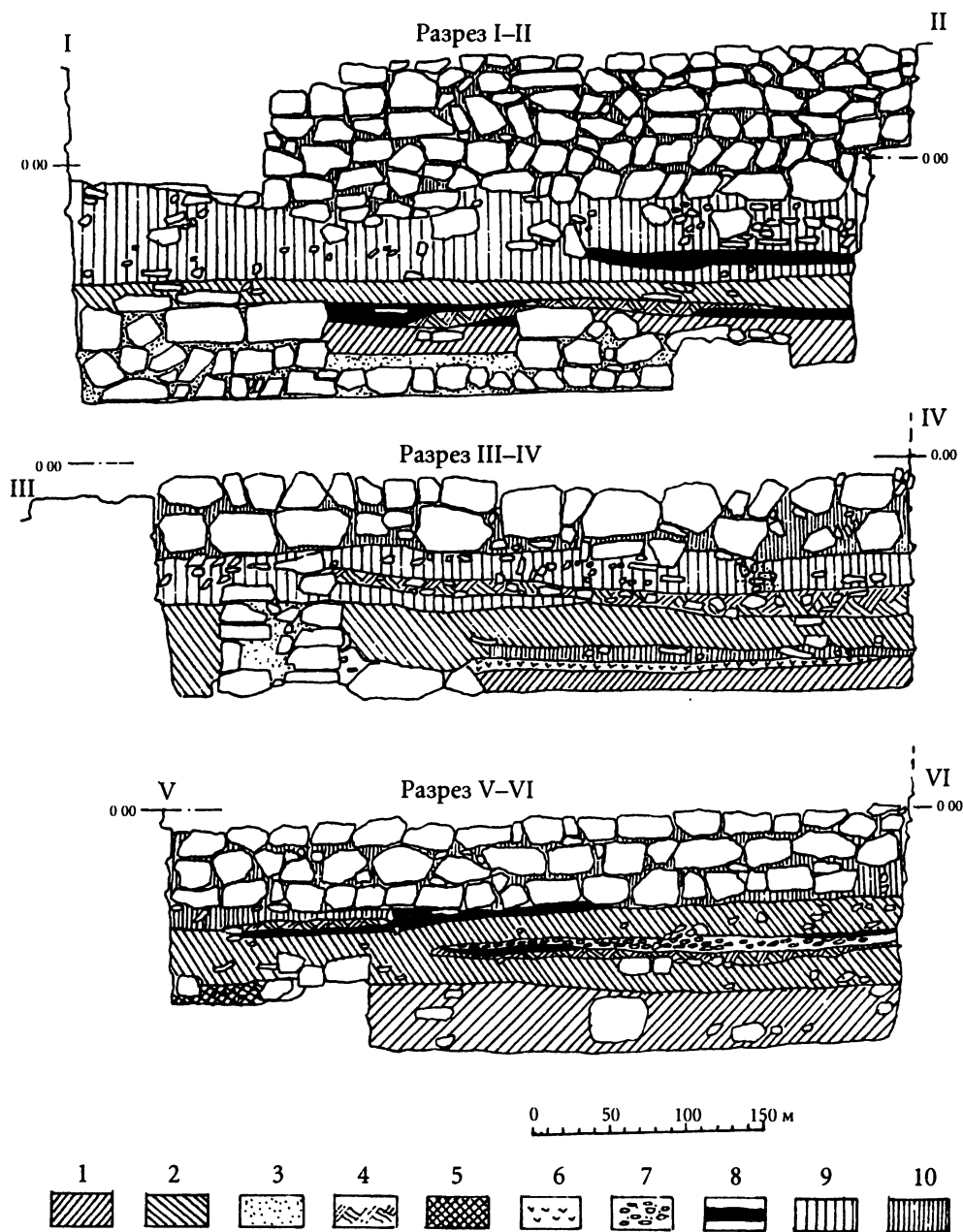

табл. 3 Стратиграфия участка раскопок «казармы» VI-VII вв. Условные обозначения: 1 — плотный глинистый грунт с известковой крошкой; 2 — рыхлый глинистый грунт с известковой крошкой; 3 — глина с известью; 4 — плотный прокаленный глинистый грунт; 5 — рыхлый темно-коричневый грунт со следами горения; 6 — серый плотный грунт с золой; 7 — слой гальки и песка; 8 — слой гари (темно-коричневый грунт, насыщенный углем); 9 — светло-коричневый рыхлый грунт; 10 — светло-коричневый плотный глинистый грунт (грязевой раствор в кладках XII-XIII вв.)

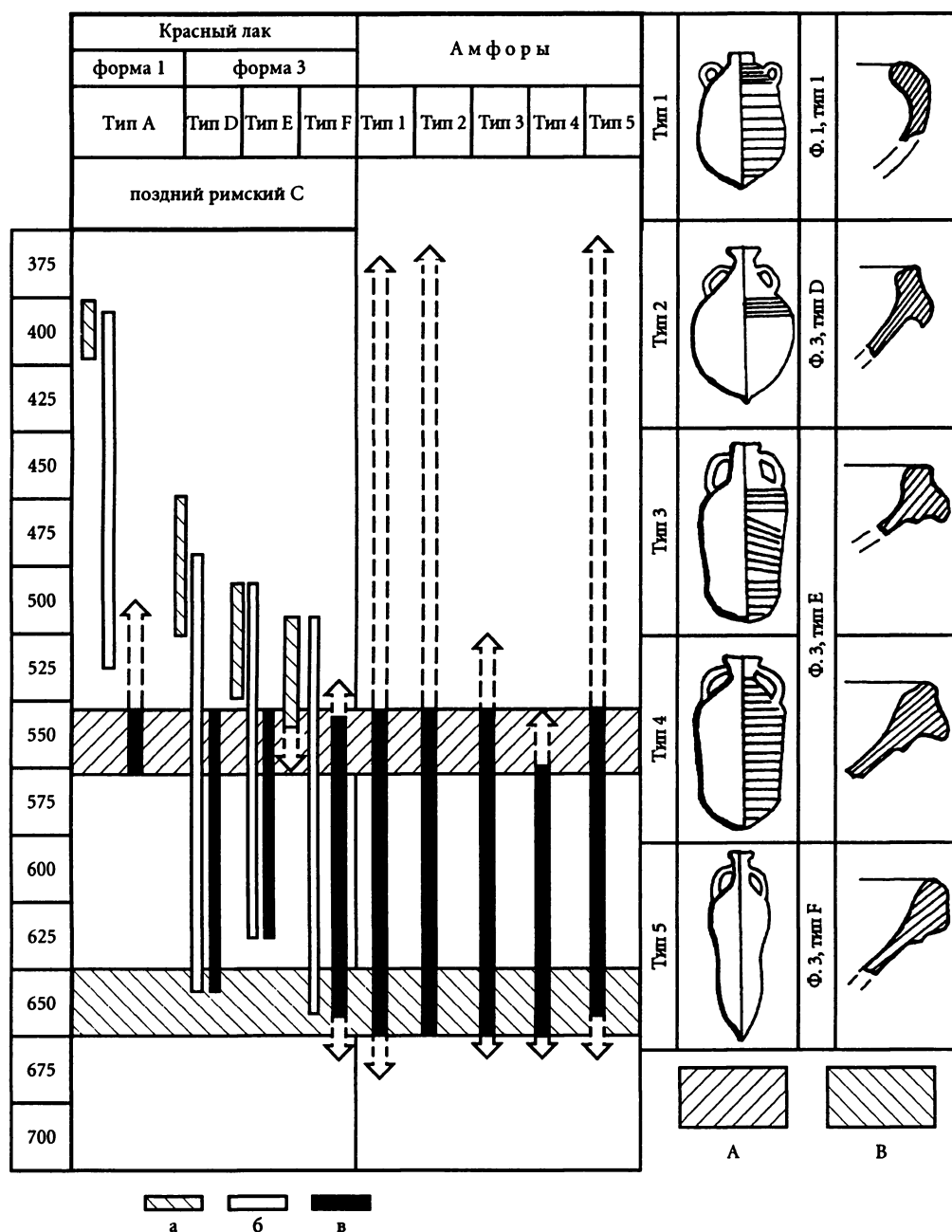

табл. 4 (по А. И. Романчук и А. В. Сазанову с дополнениями автора)

Время бытования краснолаковых сосудов и амфор: а — Дж. Хейс; б — А. И. Романчук, А. В. Сазанов (Херсонес); в — Алустон. А — время строительства Алустана; В — время ухода гарнизона из Алустана